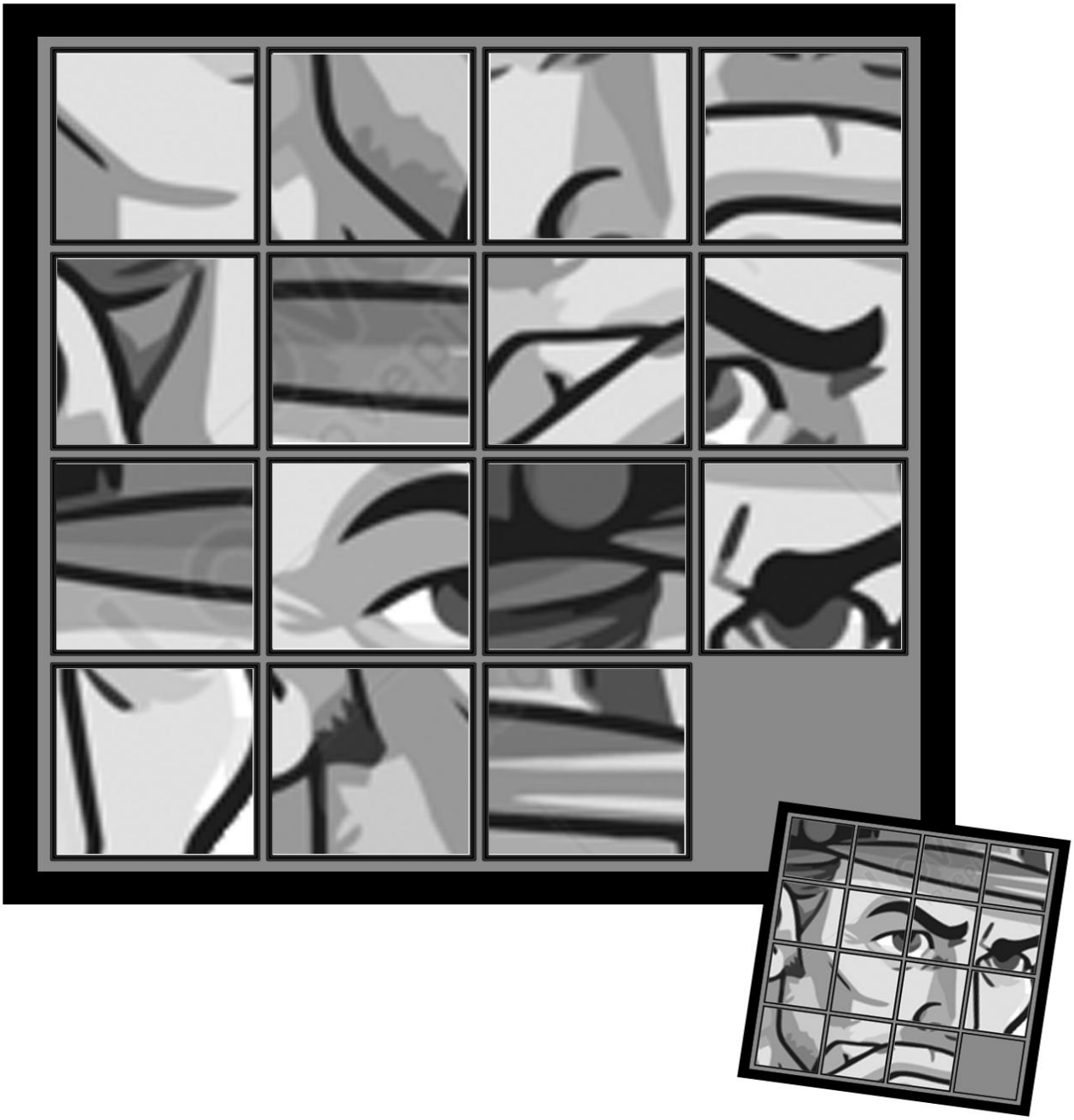
ГРУСТЬ



Семен Грила

Грусть

«Все, что не печально, – глупо и все,
что не глупо, – печально».
Марина Цветаева

Казахстан

Шустров ждал. Он сидел на лавочке у пруда в Кенсингтон Гарденс, вокруг мигранты кормили уток на радость многочисленным детям. Немногие настоящие лондонеры резво шли мимо из дома на работу или наоборот.

Его звали Стефан Шольц. Он был немцем. По паспорту. Он когда-то переехал из Казахстана, учился в Берлине, женился на сокурснице. Трое детей. Дом. Его работа была связана с поездками, он был

консультантом на предприятии, производящем сыворотки для пищевой промышленности. Занимался продвижением продукции. Коммерческий подкуп. Шутка. Сейчас он ждал коллегу. Российское посольство было за углом.

Про то, что он когда-то был Шустровым, он давно забыл. Это было неактуально, да и опасно.

Утки, страстно гогоча, получали хлеб, но куда им было до лебедей: те получали всё, используя длинные шеи и гортанный крик.

Он смотрел на все это и не понимал, как так можно было. Упустить все это спокойное великолепие. Отдать без боя тучам не поддающихся законам общежития людей.

А еще он любил смотреть тут на самолеты – они кружили над парком, дополняя гогот птиц и садясь в Хитроу, наверное, каждую минуту.

Его конфидент опаздывал, и Шустров уже немного дергался, кутаясь в воротник пальто. По утрам весной не жарко совсем.

Наконец Степанов пришел и сел на соседнюю лавочку. Увидев его, Шустров встал и пошел в аллею, прочь от пруда и дворца. Через пару минут Степанов нагнал его.

– Мы с тобой как Плейшнер со Штирлицем, – сказал Шустров.

– А кто Штирлиц?

– Ты, конечно.

– То-то.

– Ну что там у нас нового?

– Всё по-старому. Ты должен разморозить свою закладку в Дюссельдорфе, нужны входы в базу данных командования НАТО в Европе.

– А в Пентагон не надо входа? – спросил Шустров.

– Там другие занимаются, – не поддержал легкость бытия коллеги Степанов.

– Только вход?

– Да, на связи будет человек от наших хакеров, ему скинешь – и всё.

– А что с размороженным, если он сможет это сделать?

– Заплатишь ему – и всё.

– А если…

– Не твой вопрос

– Ладно.

Степанов ускорил шаг, помахав над собой рукой.

Шустров мысленно послал его в жопу.

Дюссельдорф

«Закладкой» в Дюссельдорфе, как назвал ее Степанов, была Зоя Крюкова из Алма-Аты. Когда-то давно Шустров знал ее родителей, потом нашлись уже в Германии. Он следил за их жизнью и однажды помог ей, поддержал на начальных этапах самостоятельной жизни. Теперь она имела доступ к той сети, которая была нужна Степанову. Вернее, тем, кто ему приказывал.

Откуда они знали про Крюкову, ныне являющуюся почтенной фрау Вюрц, Шустров не знал: возможно, не только он наблюдал за выехавшими. А может быть, все глубже, но он не спрашивал ее. И сам не заморачивался.

Шустров просто написал ей, и теперь они сидели в кафе. Было очень раннее утро, народ был, но не очень много пока, расслабленная атмосфера соответствовала их настроению, впрочем, до определенного предела.

– Я боюсь, – сказала Зоя.

– Понимаю.

– Да ну? Сколько мне дадут, если поймают? Лет двадцать пять?

– Тебя не поймают.

– Да ну?

– Чего ты заладила! Да, все может быть, но что толку об этом думать.

– А если я откажусь?

– Тебя убьют.

– Как интересно. И за что?

– Да неважно, за что, – Шустров сморщился от отвращения. – Убьют и всё.

– Ну а если получится?

– Заплатят.

– Много?

– Тебе хватит.

– Я хочу пять миллионов.

– Да ну?

– Вот ты меня дразнишь, что ли?

– Почему?

– Повторяешь за мной.

– Извини, от удивления.

– Я тебе заплачу, – сказала Зоя.

Шустров еле сдержался, чтобы опять не сказать «да ну».

– Процент, ты же мне помогал.

– Я думал, я платил за секс, – он засмеялся.

– Ах ты паскуда!

– Я пошутил.

– Сука.

– Прости.

– Я тебе завтра отвечу, когда смогу сделать, – сказала она.

– Ты просто сделай, не надо меня предупреждать. Сделаешь – напиши. И всё.

– Ладно.

– Купить тебе еще булочку?

– Себе купи, – она встала, потом наклонилась к нему и поцеловала в щеку.

– Прощаешься?

– Прощаю.

– Спасибо.

Она махнула рукой и пошла к выходу.

– Жаль, если все пойдет плохо, – подумал Шустров, уставившись в чашку. – Жаль.

Распознавание лиц

Совершенно замечательная программа, изменившая многое в слежке. А теперь, когда к ней подключили хорошо развитый эй-ай, просто бесценная фигня вышла. А в хороших руках вообще чистое золото.

В связи с этим Зою ждали. Сыграл маячок на Шустрове. Он засветился давно. Его когда-то сдал восточный немец, описывавший свои контакты, чтобы иметь возможность жить дальше не в тюрьме.

Теперь стало понятно, чего хотят от Зои кураторы Шустрова. Это поняли довольно быстро. Решили доступ дать, но ведущий не туда.

Зоя утром, получив свой ежедневный пароль, вошла в систему и нашла нужную ей дверь. Она же не знала, что таблички перевесили.

Написала Шустрову. Он мгновенно откликнулся и приехал в условленное место.

– Где мои деньги? – спросила она.

– Сейчас переведут.

– Знаешь, куда?

– Знаю.

– Держи. Покрепче. Всё в твоих руках, и моя жизнь тоже.

Он взял. Отдал дальше. Предупредил Степанова.

– Понял, – сказал Степанов. – Не пропадай. Пиши иногда.

Странное

А дальше началось нечто странное. Зоя пропала. Степанов ушел со связи. Шустров очень сильно испугался. Разное бывало, но такого – еще никогда. Он запросил встречу с куратором. Тишина.

Шустров поехал в Лондон. Сел на лавочку в парке. Сидел неделю. Никто не пришел.

В это же самое время ребята из Дюссельдорфа уже были внутри серверов хакеров, а хакеры вытащили нужную базу и доложили по начальству. Однако, когда начальство запросило, что, собственно, получили, оказалось, что ничего нет. Вот тут начался страшный крик и разбор полетов. Получалось, что кто-то изменил или план или родине.

Вывезли Степанова в Москву. Но он объективно ничего показать не мог. Шустров был на связи с той, которая дала ключ. Значит, либо он, либо она.

– А если не он и не она? – сказал тот, который не был главным. Ну, было видно, что он не главный, ибо выглядел свободным.

Главный накинулся на него:

– А кто, кто? Игнат, скажи!

– Ну как тогда в Бейруте, помнишь? Те, кто имели, те с тем и остались. Вырвали наживку изо рта – и всё.

– Зачем? – спросил главный. – Тогда, как я помню, провалилась вся сеть. А теперь-то никакая сеть через это не может быть атакована, ее не было там.

– Они хотели, чтобы мы влезли, значит, цель у них была, – сказал тот, кого звали Игнат.

– Отвечай по существу.

– Посмотрят, что волочится за всем этим. Они точно получили хакеров. Где та, с ключом?

– Мы знаем только то, что Шустров сидит в Кенсингтоне, – главный не унимался, стучал ладонью по столу.

– Что делать?

Все молчали.

Степанов в этой тишине сказал:

– Они хотят сюда.

– Для этого им нужен ты, – произнес Игнат.

– Нет, – сказал Степанов, – им нужен ты.

– Всё. Хватит. Выходим на связь и интересуемся судьбой этой Зои. Говорим, как она нам важна. Дальше будет видно, – сказал главный.

– Вы начальник, вам видней, – продолжил раздражать начальство Игнат.

– Все свободны, – сказало начальство, и все вышли.

Другие

Дюссельдорф все потерял. Все ушло в Берлин. Госпожа Вюрц тоже. Она сдалась сама. Ровно в тот момент, когда поняла, что денег не будет. Просто сдалась. Ей было неважно, кому. Надоело. Шустров особенно. Захотелось все поменять.

Ей надоело ждать неизвестно чего. Быть разменной монетой, может быть. Она всегда чувствовала эту печальную печать на всем, что с ней происходило. Карма, видно, такая.

А случай располагал к переменам. И они должны были быть в этот раз быстрыми. Она не представляла ценности для разведки. Так она думала. Она не была шпионкой. Просто случайным человеком, оказавшимся рядом с горячим участком. Так бывает. И никогда никто к такому не готов. И чем меньше человек готов, тем лучше все проходит. Без травм. Ну, может, легкие угрызения совести, как ностальгия по детству, или по мороженому, или по березам, – ну, в общем, как легкая простуда.

Ей сказали, что все, что от нее требуется, – это исчезнуть. Они поселили ее в закрытом периметре, и ее это устраивало. Квартира. Все необходимое для жизни. Компьютер с хорошей библиотекой, но без доступа в Сеть. И без всех остальных доступов она жила. И это было в кайф.

Шустров дождался сообщения. С номера Зои ему сообщили, чтобы к ней никто не обращался. Она не предмет переговоров.

Это уже интересно, подумал он. Значит, денег она не получила. И, следовательно, Степанов или кто-то рядом с ним обогатился.

Степанов пропал – значит, пошло не по плану. Эффект не получен. Значит, его вывезли.

Хакеры проникли – это факт. Не могли не проникнуть. Значит, или не взяли то, что было нужно, или взяли что казалось нужным.

Сообщение с телефона Зои. Отдельная тема. Это сигнал о том, что ее не отдадут. И сигнал не ему. Значит, наши вступали в переговоры, но те, другие, сказали «нет».

Почему? Значит, им ничего не надо и они перенесли этот запрос в следующий какой-нибудь кейс. Когда-нибудь этот разговор понадобится. Так?

Начальство, стало быть, не получило того, чего хотело, но кто-то в цепочке получил.

Противник получил, что хотел, то есть атаку отбил, ущерб минимизировал и еще имеет на руках нечто в виде Зои, не зная пока, как это нечто монетизировать.

Хакеры. Набранные Степановым любители за три копейки для демонстрации процесса начальству. Никому теперь не нужны. Их поблагодарили, похлопали по плечу и сказали что-то типа «до следующего раза».

Начальство, подумал Шустров, вернувшись к оборванной мысли, не получило – значит, кейс не закрыт. Значит, возможно, он нужен, но начальство еще не решило, для чего. Поэтому он имеет варианты. Ждать, когда начальство решит, как с ним поступить, или пропасть немедленно – как Зоя. Вот незадача-то.

Он кормил уток день за днем, приходя к пруду, и спрашивал себя, что ему делать.

– Сложно объяснить, если ты не понимаешь, – услышал он вдруг. Оглянулся, но никого не было. Только дети и утки.

– Нет, не только, – сказал тот же голос. – Еще есть лебеди. Ты видишь?